На правах рукописи

Хайруллина Алия Ильдаровна

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТУДЕНЧЕСТВА ВОСТОЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА г. КАЗАНИ в 1920-е годы

Специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Казань – 2011

Работа выполнена на кафедре истории России факультета исторического образования Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Научный руководитель:	доктор исторических наук, профессор **Синицын Олег Владимирович**
Официальные оппоненты:	доктор исторических наук, профессор **Валеев Рамзи Калимович** кандидат исторических наук, доцент **Давыдов Денис Владимирович**
Ведущая организация:	ГОУ ВПО «Казанский государственный университет культуры и искусств»

Защита состоится «19» мая 2011 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 212.081.01. при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2, ауд. 1113.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале № 1 Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета.

Автореферат разослан «____» апреля 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета, к.и.н. Д.Р. Хайрутдинова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Одно из центральных мест в образовательной системе государства занимает высшая педагогическая школа, которая на протяжении XX века неоднократно подвергалась реформированию. Особая роль в условиях ломки общественного строя и привычных жизненных устоев первого послереволюционного десятилетия принадлежала «новому учительству».

В 1920-е гг. Казань являлась центром получения высшего образования в ТАССР, а также для республик и областей Среднего Поволжья и Приуралья. Крупнейшим педагогическим вузом, готовившим учительские кадры для национальных республик в этом регионе, стал Восточно-педагогический институт.

Обращение к опыту 1920-х гг. по формированию студенческого состава педагогических вузов обусловлено рядом моментов. Во-первых, государственное управление и регулирование социально-классового состава студенчества, идеологизация высшей школы привнесли ряд существенных изменений в студенческую жизнь. Во-вторых, это период, когда закладывались основы новой педагогической системы страны: школьные классы с педагогическим уклоном – педагогические училища (техникумы) – педагогические факультеты при университетах – педагогические институты. Были выработаны учебные планы, шел поиск форм и методов подготовки учителей в высших учебных заведениях страны. В-третьих, в этот период были заложены основы советской системы социальных льгот, предоставляемых студентам, был определен их социально-правовой статус учащихся. В-четвертых, заметна подвижность социальных слоев населения, а также большие миграционные потоки.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1920-х гг., когда система народного образования, в том числе и высшего, активно подвергалась перестройке. В качестве исходной даты был выбран 1922 г., когда на базе педагогического института, факультета общественных наук КГУ и Восточной академии была создана единая высшая педагогическая школа – Восточно-педагогический институт (далее – ВПИ). Ее целью стала подготовка учителей для регионов Среднего Поволжья. В 1931 г. изменилась специализация (уклон) института (национально-краевой вуз был преобразован в индустриально-аграрный). Часть лингвистических отделений перестала существовать (вотское (удмуртское), чувашское), на их базе в Ижевске и Чебоксарах были созданы самостоятельные вузы.

Степень научной разработанности проблемы. На сегодняшний день имеется солидная база научных исследований, посвященных изучению истории высшей школы в целом и студенчества как ее составной части[1]. В то

[1] Бейлин А.Е. Кадры специалистов в СССР: их формирование и рост. М., 1935; Венедиктов П.С. Рабоче-крестьянский путь к высшей школе. Владивосток, 1929; Иванов А., Швейцер В. Борьба за кадры пролетарских специалистов. М., 1931; Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М., 1957; Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958; Елютин В.П.

же время, изучение истории педагогических вузов, как одного из каналов подготовки «нового учительства», оставалось темой, невостребованной исследователями. В большинстве работ студенчество рассматривалось без учета профессиональной специализации.

Содержание работ по проблемам создания высшей школы в первое послереволюционное десятилетие отражало официальный курс партии на пролетаризацию высшей школы и необходимость подготовки специалистов из рабоче-крестьянской среды. Руководители государства и партии начали анализировать результаты проведенных мероприятии и их последствий еще в конце 1920-х – 1930-е гг. В работах А.В. Луначарского, Н.К. Крупской, И.И. Ходоровского нашли отражение методы учебной и воспитательной работы, требования, предъявляемые к выпускникам вузов[2].

Специальные исследования, затрагивающие начальный этап становления высшей школы и студенчества, появляются в 1970-х гг.: А.И. Кривенький, Н.Л. Сафразьян, Ш.Х. Чанбарисов и т.д.[3], однако, несмотря на богатый фактический материал, они являлись дополнением к уже имеющимся работам.

Изучение процесса идеологического завоевания высшей школы, а также внутренних процессов, происходящих в профессорско-преподавательской среде, взаимоотношения интеллигенции, в том числе и работников вузов с новой властью, активно разрабатывались на местном уровне: Б.Ф. Султанбековым, М.З. Тутаевым, О.Л. Малышевой[4].

Высшая школа страны социализма. М., 1959; Кафтанов С.В. Высшее образование в СССР. М., 1950; Синецкий А.Я. Профессорско-преподавательские кадры высшей школы СССР. М., 1950; и др.

[2] Бейлин А.Е. Кадры специалистов СССР. Их формирование и рост. М., 1935 ; Бушманов А.Ф. Народное образование в СССР к 15-й годовщине Октября. М., 1932; Луначарский А.В. Народное просвещение в РСФСР // Народное просвещение. 1925. №78. Его же. Десять лет культурного строительства. М. – Л., 1927; Овсянников К. Классовая борьба в высшей школе и задачи комсомола. М., 1931;

[3] Бабенкова Н.И. Московская партийная организация в борьбе за идейно-политическое воспитание студенчества в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 1977; Кривенький А.И. Деятельность партии по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи в годы первой пятилетки (1928-1933 гг.) (на материалах московских вузов): дис…канд. ист. наук. М., 1972; Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи: из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за молодежь. 1917-1924 гг. М., 1980; Сафразьян Н.Л. Борьба КПСС за строительство высшей школы. М., 1977; Украинцев В.В. КПСС – организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1965; Чанбарисов Ш.Х. Формирование советской университетской системы (1917-1938 гг.). Уфа, 1973; Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920-1937). Свердловск, 1970; Шилов Л.А. Деятельность коммунистической партии по перестройке высшей школы в первые годы советской власти (1917-1921 гг.): автореф. канд. ист. наук. Ленинград, 1965; Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.). Л., 1984; Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1928 гг.: дис…д-ра ист. наук. Л., 1990 и др.

[4] Султанбеков Б.Ф. Привлечение научной интеллигенции Поволжья к решению оборонительных и народнохозяйственных задач // Гражданская война в Поволжье 1918-1920 гг. Казань, 1974; Его же. Научная интеллигенция Поволжья в годы гражданской войны. В кн.: Интеллигенция и революция. XX век. М., 1985; Тутаев М.З. Октябрь и просвещение. Казань, 1970; Его же. Развитие народного образования в Татарии (1917-1940 гг.). Казань, 1975; Малышева О.Л. Борьба партийной организации Татарии за идеологическое завоевание высшей школы в период социалистического строительства (1917-1927 гг.): дис… канд. ист. наук. Казань, 1985; Ее же. Подготовка научно-педагогических кадров в Татарстане в 1920-е гг.: материалы итоговой научн. конф. Казань, 2002; ее же. Политизация высшей школы Татарстана в 20-е годы // Преподавание истории в вузе: исторический опыт и современность: материалы межвуз. научн. конф. Казань,

Проблема становления советского высшего педагогического образования долгое время не была темой отдельного научного исследования. Определенные изменения произошли лишь в середине 1960-х гг., когда одной из первых свое внимание на этот вопрос обратила В.А. Хрусталева[5]. В 1970-е гг. этот пробел в некоторой степени удалось восполнить Ф.Г. Паначину[6]. Однако, автор не ставил целью изучение подготовки будущих учителей, поэтому ограничился анализом становления высшего педагогического образования и характеристикой учебных планов педвузов.

Анализ современного изучения истории становления высшего педагогического образования позволяет говорить о невостребованности данной темы исследователями. Значительный объем работ по изучению высшего образования 1920-х гг. составляют исследования по истории университетов. История педагогических вузов изучена в гораздо меньшей степени[7].

История ВПИ достаточно долго не привлекала внимания исследователей. Ряд статей в местной периодической печати, затрагивающих различные стороны жизни института[8], и сборник, посвященный пятилетию ВПИ, вышедшие в 1920-е гг., на долгое время оказались единственными работами по данной теме. Определенный интерес для исследователя представляют данные социологических и психотехнических исследований студенчества. Одной из самых распространенных форм изучения различных сторон жизни студенчества в 1920-х гг. стало анкетирование. В Казани подобную работу в исследуемый нами период провели С.Я. Голосовкер, К. Сотонин[9]. На сегодняшний момент это единственные выявленные исследования, в которых одним из объектов исследования являются студенты ВПИ. В последующие годы вышел ряд журнальных и газетных

2002; Ее же. Политизация высшей школы в Татарстане // Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского района: материалы научн. конф. Казань, 2002; и др.

[5] Хрусталева В.А. К истории высшего педагогического образования в РСФСР. М., 1963.

[6] Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в СССР. М., 1975.

[7] Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: возвращенная история. 1902-1920 годы. Томск, 2002; Лаврова Л.В. Страницы славной летописи: из истории Мичуринского государственного педагогического института. Мичуринск (Тамбовская обл.), 2006; Рабецкая З.И. Иркутский педагогический: от учительского института к университету. Иркутск, 2007; Груздева Е.Н. Санкт-Петербургский женский педагогический институт 1903-1918 гг.: основание, структура, личный состав, деятельность: дис… канд. ист. наук. СПб., 2005; и т.д.

[8] [Бушмакин М.] Обзор работы Восточного педагогического института в 1922-1923 академическом году // Вестник просвещения ТНКП. Казань, 1923; Бушмакин М. Очередные задачи педагогического образования (По поводу планов ПУЗ) // Вестник просвещения ТНКП. Казань, 1923; Дитякин В. Кабинет истории и теории марксизма при Восточном педагогическом институте (Казань) // Вестник просвещения ТНКП. Казань, 1923; [Студент] Книги на дом не даются // Красная Татария. 1923. 28 февраля. №45. С. 5; Гаврилов П. Студенческая благодарность // Красная Татария. Казань, 1923. № 53. С. 5; Векслин Н-Б.З. На кого пойти учиться? (ВПИ) // Красная Татария. Казань, 1923. № 115. С. 1; Новый педагог. Организация и работа ВПИ в Казани. Итоги 5 лет 1922-1927 гг. Казань, 1927; Рэхим Г. Көнчыгыш педагогия институтының татар теле һәм мәдәнияте булеге (Көнчыгыш педагогия институтының ачылуына 5 ел тулу уңае белән) // Магариф. Казань, 1927. № 12. С.12-25.

[9] Голосовкер С.Я. О половом быте мужчины. Казань, 1927. С. 4-5; Сотонин К. Исследование интеллектуального уровня студентов 1 курса Восточно-педагогического института // Научно-педагогический сборник Восточно-педагогического института. Казань, 1926. Вып. 1. С. 115-118; Его же. Казань, 1927. Вып. 2. С. 126-128.

публикаций, но в целом они не изменили ситуацию по изучению ВПИ[10]. Исследования по истории института были возобновлены после продолжительного перерыва в 1950-е гг. При этом необходимо отметить, что основная часть работ была посвящена известным татарским ученым и педагогам, работавшим в тот или иной период в ВПИ[11]. В публикациях, выходивших в последующие годы, история вуза 1920-х гг. не нашла достаточного отражения[12].

Новый этап в изучении истории ВПИ начался в последнее десятилетие. В научный оборот исследователями введены архивные источники, дающие представления о страницах истории вуза и его учащихся в 1920-1930-е гг.[13]

Тема изучения студенчества 1920-х гг. как профессиональной группы долгое время не привлекала внимание исследователей. В большинстве случаев оно рассматривалось лишь как одна из составляющих в работах, посвященных становлению советского высшего образования. Планомерное изучение учащихся высших учебных заведений 1920-х гг. начинается с 1960-1970-х гг. В этом направлении работали Н.И. Бабенкова, А.И. Кривенький, А.Я. Лейкин[14].

---

[10] Кудояров Г. Көнчыгыш педагогия институтының эшләре һәм үсү-киңәю перспективалары // Магариф. Казань, 1930. № 6/7. С. 24-35; Баталина З.М. Педологическая лаборатория при Казанском Восточном педагогическом институте // Психология. Казань, 1930. Т. 3. Вып. 1. С. 127-133; Юдин Г. Национальным вузам нужна помощь [Состояние подготовки педагогических кадров в Казанском педагогическом институте] // Высшая школа. Казань, 1938. № 6/7. С. 197-199.

[11] Данлыклы юбилей [М.А. Фазлуллин турында] // Совет мәктәбе. 1954. № 1. С. 23. Яфаров Л. Казан педагогия институты һәм аның татар теле һәм әдәбияты булеге тарихыннан // Совет мәктәбе. 1957. № 11. С. 25-28; Яфаров Л. Профессор Гыйбад Алпаровның гыйльми хезмәтләренә карата // Совет мәктәбе. 1958. № 12. С. 20-23; Әхәтов Г. Гыйбад Алпаровның тууына 70 ел // Совет мәктәбе. 1958. № 12. С. 19; Аграновский А. Вашу руку, Иван Иванович! [о преподавателе КГПИ И.И.Назарове] // Поиск талантов. М, 1960. С. 63-75.

[12] Старицына З.А. Об опыте воспитательной работы с будущими учителями [О студенческом научном кружке зарубежной литературы Казанского пединститута] // Литература в школе. 1962. № 2. С. 54-58; Хамидуллин Ф. Күренекле тел галиме (Г.Шәрәфкә 70 яшь тулу уңае белән истәлек) // Совет мәктәбе. 1966. № 6. С. 26-27; Беркутов В. Галим һәм педагог [Татар матиматигы һәм методисты Н.В. Юсупов] // Совет мәктәбе. 1967. № 2. С. 9; Литвин А., Султанбеков Б. Казан педагогия институтының беренче адымнары // Совет мәктәбе. 1967. № 10. С. 11-13; Шарифуллин Ф. Киң колачлы галим [М.З. Закиев] // Совет мәктәбе. 1967. № 7. С. 55-56; Яфаров Л. Күренекле тел белгече-тюрколог [Г. Алпаров турында] // Совет мәктәбе. 1968. № 11. С. 48-49; Султанбеков Б.Ф., Сидоров В.П. Из истории Казанского педагогического института [1918-1919 гг.] // Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1969. Сб. 4. С. 343-348; Казанский государственный педагогический институт. Ученые записки КГПИ. Казань, 1974; Программа XXIX итоговой студенческой конференции, посвященной 100-летию основания КГПИ. Казань, 1976; Закиев М. Кузница учительских кадров [к 50-летию Казанского пединститута] // Советская Татария. 1968. 23 октября. С. 2; Закиев М. Ярты гасырлык юл [Педагогия институтына 50 ел тулу уңае] // Совет мәктәбе. 1968. № 1. С. 8-12.

[13] Из истории Казанского государственного педагогического университета: сб.студ.работ. Казань, 2002; Музейный вестник КГПУ. Казань, 2004. Вып.1; там же. Казань, 2005. Вып.2; Развитие творческого потенциала будущего специалиста: материалы региональной студенческой научно-практической конференции. Наб.Челны, 2005; Музейный вестник ТГГПУ. Казань, 2006. Вып.3; Историческое образование в вузах Казани: материалы межвуз. научн. конф. Казань, 2006; Музейный вестник ТГГПУ. Казань, 2007. Вып.4; Нигматуллин Р.Ш. Выпускники исторического факультета Казанского государственного педагогического института (1918-1945 гг.): биографический справочник. Казань, 2007; Музейный вестник ТГГПУ. Казань, 2008. Вып. 5;

[14] Бабенкова Н.И. Московская партийная организация в борьбе за идейно-политическое воспитание студенчества в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.): дис... канд. ист. наук. М., 1977; Кривенький А.И. Деятельность партии по идейно-политическому воспитанию студенческой молодежи в годы первой пятилетки (1928-1933 гг.) (на материалах московских вузов): дис… канд. ист. наук. М., 1972;

В целом, работы 1980-х гг. являлись закономерным продолжением ранее начатых исследований по данной проблематике. Основной акцент в продолжал ставиться на роли партийных организаций в деле перестройки советского высшего образования на социалистические рельсы и их борьбу с так называемой «буржуазной идеологией»[15].

Распад Советского Союза и последующее после этого открытие архивов дали исследователям возможность начать разработку ранее не изучавшихся аспектов данной проблемы, таких как история повседневности, гендерная история, исследование девиантного поведения, поведенческих стратегий студенчества 1920-х гг.

Особенностью современной отечественной историографии стал поворот в сторону «новой» исторической науки, которая ориентирована на «человеческое» измерение истории. Основательное исследование по истории советского студенчества 1917-1927 гг. было проведено В.В. Всемировым, Е.С. Постниковым[16] (один из первых исследователей послереволюционного студенчества педагогических институтов).

Среди комплексных исследований студенчества первых послереволюционных лет необходимо отметить работы А.Р. Маркова, сумевшего проследить эволюцию облика петроградских / ленинградских студентов в период 1914-1925 гг.[17]. Интерес для исследователей данной проблематики представляют работы современных специалистов в области изучения истории студенчества 1920-х гг.: Е.Э. Платовой и А.Ю. Рожкова[18]. В центре их внимания были следующие вопросы: роль коммунистической партии в формировании «нового» человека, процесс адаптации молодого человека к новым для него условиям, «стратегия выживания» в быстро меняющемся вокруг мире, проблема девиантного поведения.

На региональном уровне одними из первых исследователей по изучению студенчества 1920-х гг. стали работы Е.А. Вишленковой, С.Ю.

Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи: из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за молодежь. 1917-1924 гг. М., 1980; др.

[15] Грезина Е.Э. За преодоление буржуазных черт в образе жизни студенчества (1921-1925 гг.). Борьба партийных организаций // Исторический опыт борьбы Коммунистической партии против буржуазной идеологии в высшей школе в период строительства социализма. Л., 1987. С. 45-55; Ее же. Борьба партийных организаций за перестройку образа жизни студенчества в соответствии с принципами социализма. 1921-1925 гг. (на материалах РСФСР): дис…канд. ист. наук. Л, 1988; Кузьмина А.Л. Классовая борьба в вузах в период строительства социализма вокруг выдвижения студентов на научную работу // Исторический опыт борьбы Коммунистической партии против буржуазной идеологии в высшей школе в период строительства социализма. Л., 1987. С. 93-103; Пшенко К.А. Роль коммунистической партии в формировании социалистического образа жизни студенчества (1926-1932 гг.) (на материалах Москвы и Ленинграда): дис… канд. ист. наук. Л., 1982; Барабашева Н. С. Правовое положение студентов в СССР. М., 1981; и др.

[16] Всемиров В.В. Российское студенчество. – Саратов, 1994; Всемиров В.В. Создание советской системы высшего образования и студенчество (1917-1927 гг.): дис…д-ра ист. наук. Саратов, 1996; Постников Е.С. Российское студенчество в условиях новой экономической политики (1921-1927 гг.). Тверь, 1999.

[17] Марков А.Р. Что значит быть студентом. Работы 1995-2002. М., 2005;

[18] Платова Е.А. Динамика образа жизни студенчества России (октябрь 1917-1927 гг.) Дис… д.и.н. СПб, 2007; Рожков А.Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социологические исследования. 1999. №7. С. 107-114; Рожков А. Ю. Молодой человек в советской России 1920-х: повседневная жизнь в группах сверстников (школьники, студенты, красноармейцы). Краснодар, 2002.

Малышевой, А.А. Сальниковой, Г.Г. Амалиевой[19]. Авторы ввели в научный оборот источники, которые не использовались ранее, такие, как личные дела студентов 1920-х гг. На их основе они провели реконструкцию студенческой повседневности, индивидуализировали историю высшего учебного заведения.

Тема студенчества, включая все ее аспекты и хронологические рамки, привлекательна для исследователей. Однако, в большинстве случаев, учащиеся вузов рассматриваются как один из составляющих элементов процесса перестройки «старой высшей школы». Студенчество педагогических вузов, как социальная (профессиональная) группа, практически не нашла отражения в работах исследователей[20].

Цель диссертационного исследования состоит в создании комплексной характеристики студенчества ВПИ 1920-х гг.

Поставленная цель предусматривает решение **целого ряда задач**:

- Выявить основные группы мотивов выбора абитуриентами педагогической специальности.
- Провести комплексное исследование состава студенчества педагогического института как социально-профессиональной группы молодежи
- Выявить и изучить основные формы и методы подготовки студентов к учительской профессии.
- Исследовать включенность студентов педагогического института в общественно-политическую, социально-культурную и правовую жизнь общества.

Объектом исследования является студенчество ВПИ в 1922-1931 гг.

Предметом исследования стали демографические, социальные характеристики студенчества, общественно-политические аспекты жизни учащихся педагогического института, система приема и обучения в ВПИ, как базы для формирования нового учительства.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования являются принципы историзма, объективности, научности и системности. Специфика исследования обусловила применение как методов общенаучного (анализ, синтез, сравнение), так и специального характера: историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический,

---

[19] Амалиева Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917-1925 гг.) как исторический источник: дис… канд. ист. наук. Казань, 2006; Амалиева Г.Г. Студенты и студентки (Казанский университет в 1920-1930-е годы) // Философский век. Альманах. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. СПб, 2005. Вып. 28. Том 1.; Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005; Сальникова А.А., Амалиева Г.Г. Вновь о любви «без черемухи», или женщина в университете в 1920-е гг. // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство. Казань, 2005; Амалиева Г.Г. «Сочувствую РКП(б), так как она дала мне возможность учиться в вузе…» // Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007; Вишленкова Е.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX-XX вв. Казань, 2008.

[20] Васильев П.В. Профессионально-педагогическая подготовка учителя единой трудовой школы второй ступени в РСФСР:1918-1930 гг.: дис… канд. пед. наук. Москва, 2000.

историко-типологический, статистический, контент-анализ документов личных дел абитуриентов и студентов.

Источниковая основа исследования. Исследование строится на широком круге источников, отбор которых определяется поставленными автором целями и задачами. В целях получения максимальной информации источники использовались комплексно, а материалы, содержавшиеся в них, изучались фронтальным и выборочным методом. Основу неопубликованных источников составили документальные материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), Отдела редких рукописей и книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КГУ (ОРРК НБЛ КГУ), архива Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ).

Источниковая база диссертации представлена широким комплексом документов, который условно можно разделить на следующие группы: законодательные и нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, личные дела абитуриентов и студентов ВПИ, периодическая печать, документы личного происхождения.

Законодательные и нормативно-правовые акты ВЦИК и СНК РСФСР, ТАССР, народных комиссариатов просвещения РСФСР и ТАССР дают представление о системе мер, регулирующих жизнь высшей школы и социальной поддержки учащихся.

Материалы личных дел студентов ВПИ 1920-х гг., отложившихся в архивах ТГГПУ, НА РТ, ОРРК НБ им. Лобачевского КГУ и составивших основу диссертационного исследования, позволяют выявить первоначальные данные и систематизировать их по следующим параметрам: демографическим (год и место рождения, пол, национальность, возраст, семейное положение), социальным (социальное происхождение и положение) и общественно-политическим показателям (членство в партии и профсоюзе, степень и формы участия в общественной работе).

В комплексе делопроизводственной документации применительно к изучению студенчества ВПИ 1920-х гг. по количеству и разнообразию видов ведущее место принадлежит отчетным и протокольным материалам: годовые отчеты о работе института, отчеты преподавателей, отчеты различных комиссий (жилищной, стипендиальной, кассы взаимопомощи). Протокольную документацию также можно объединить в следующие блоки: протоколы государственных и партийных органов; государственных учреждений (в нашем случае это ВПИ) и протоколы общественных и партийных организаций. Изучение данных видов документов позволяет более детально и четко проанализировать механизм взаимоотношений между государственными, партийными органами и студенчеством ВПИ, изучить систему социальной поддержки учащихся высшей школы и т.д.

На страницах центральных и региональных периодических изданий: «Красный студент»/«Советское студенчество», «Студент-пролетарий», «Голос пролетарского студенчества», «Ленинец», «На вузовской стройке» и т.д. нашли отражение вопросы строительства системы советского высшего образования, процесса пролетаризации учащихся, картины повседневной жизни студенчества 1920-х гг.

Документы личного происхождения - это опубликованные воспоминания учащихся ВПИ, являются самой малочисленной группой источников[21]. Наиболее информативными, с точки зрения изучения повседневной жизни студентов педагогического института, являются воспоминания В.И. Адо[22]. В остальных случаях сам институт, учебно-воспитательный процесс и учащиеся вуза представлены лишь косвенно.

Таким образом, можно констатировать, что в основе источниковой базы по истории студенчества ВПИ 1920-х гг. лежат архивные документы, большая часть которых вводится в научный оборот впервые.

Научная новизна и практическая значимость исследования состоит в том, что проводится первое комплексное исследование демографических, социальных и общественно-политических характеристик студенческого состава ВПИ 1920-х гг. В научный оборот вводится комплекс неопубликованных источников по данной теме из центральных, республиканских и ведомственных архивов. Впервые исследованы исторические сюжеты, не нашедшие отражение в ранее опубликованных работах: мотивация выбора педагогического вуза и специальности абитуриентами 1920-х гг.; студенчество как объект помощи голодающему населению России (1921 г.) со стороны организации Европейской студенческой помощи (ЕСП), функционировавшей в составе миссии Нансена; адаптация к условиям городской жизни сельской молодежи, причины, вынуждавшие молодежь покидать стены вуза.

Создана электронная база данных абитуриентов и студентов ВПИ 1922-1931 гг. Она позволяет репрезентативно изучить студенчество ВПИ, его состав и специфические характеристики. Результаты диссертации могут быть использованы при написании исторических, социологических, гендерных и других исследований, работ по высшей школе, возможно широкое использование диссертационного исследования в лекционных курсах по отечественной истории, спецкурсов по истории республики Татарстан.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования были изложены на ряде международных, всероссийских и региональных научных конференций: «Историческое образование в вузах Казани» (Казань, 2006), «Крестьянство Среднего Поволжья в условиях реформ первой половины XX века» (Казань, 2007), на международной «Историк и его дело…» (Ижевск, 2008), всероссийских XIV Платоновских

---

[21] Гинзбург Е. Студенты двадцатых годов // Юность. 1966. № 8. С. 77–92; Матяшина Е.А. Воспоминания // Казань, 2002. № 10. С. 5-81.; Волоцкий М.В. Хроника рода Достоевских. М., 1933.

[22] Адо В.И. Вспоминая о прошлом. Записки русского интеллигента XX века // Казань, 2000. № 7-12.

чтениях (Самара, 2008). Всего по теме исследования опубликовано 11 статей, из них 1 – в научных изданиях, входящих в перечень, рекомендованных ВАК.

Структура исследования обусловлена целью и задачами работы и состоит из введения, двух глав, заключения, список использованных источников и литературы, приложения.

Основное содержание диссертации

Во введении определены актуальность темы, цель и задачи исследования, предмет и объект научной работы. Дается обоснование хронологическим рамкам, сформулирована новизна исследования, а также раскрывается научно-практическая значимость диссертации. Проводится историографический анализ, систематизируется источниковая база исследования.

Первая глава «Студенчество Восточно-педагогического института как социально-профессиональная группа молодежи» состоит из двух параграфов. В них исследуется мотивация выбора учительской профессии абитуриентами 1920-х гг. и социально-демографическая характеристика студенчества ВПИ.

В первом параграфе *«Мотивация абитуриентов при поступлении в педагогический вуз»* анализируются и систематизируются группы мотивов абитуриентов ВПИ.

Проблема мотивации выбора ВПИ педагогической специальности молодыми людьми 1920-х гг. до настоящего времени мало изучена. Указание мотивов поступления чаще всего встречается в текстах заявлений о приеме в институт, написанных в произвольной форме, а также заявления в стипендиальную комиссию, анкеты, справки и удостоверения о составе семьи, социальном положении абитуриента и др. Это позволило сохранить индивидуальный, личностный компонент текстов.

Анализ имеющихся в распоряжении исследователей документов позволил выявить основные группы абитуриентов, мотивировавших свое поступление в ВПИ, систематизировать и классифицировать группы мотивов.

В основу классификации групп абитуриентов был положен уровень образования. Первую группу с высоким процентом мотивации составляют выпускники педагогических техникумов, имевшие стаж практической работы.

Вторую группу занимают практикующие учителя, не имевшие специального педагогического образования, и красноармейцы.

Третью, самую малочисленную группу, в которой имеются заявления с обоснованием выбора вуза или специальности, составляют первые выпускники советских школ. Среди них следует выделить заявления выпускников средних школ, где были образованы классы с педагогическим уклоном. В этом случае особо подчеркивалось наличие склонности к

педагогической деятельности и осознанный выбор педагогического института.

Мотив получения высшего образования присутствует в большинстве сохранившихся заявлений. Это вполне объяснимо, так как абитуриент заблаговременно ориентировался именно на вузовскую систему. Упоминание специализации вуза – педагогического - в той или иной форме встречается в 80% случаев. Анализ сохранившихся заявлений позволил выделить следующие группы мотивов:

В первую группу, самую многочисленную, можно отнести мотив, напрямую связанный с желанием работать в педагогической сфере. Характерно, что в этот период появляются словосочетания, отражавшие реалии новой идеологии: «советский педагог», «коммунистическое воспитание», «желаю продолжить по педагогической линии свое образование, чтобы оправдать звание советского педагога».

Во вторую группу можно объединить мотивы, связанные с желанием участвовать в просвещении народных масс и подъеме их культурного уровня. При этом обязательной лингвистической единицей являлись «просвещенец» или «просвещение масс». Массы определялись исключительно как «темные», «отсталые», «неразвитые».

В третью группу, самую малочисленную, можно объединить мотивы, связанные с осознанным желанием быть специалистами, востребованными обществом. Речь идет о формулировках, связанных с понятиями «власть», «общество» (советское, социалистическое, пролетарское), «социалистическое строительство», «партия».

В 85% случаев понятия, имеющие идеологический или политический контекст использовали члены партии или комсомола. Практическая общественная деятельность, посещение курсов политграмоты, чтение политической литературы, а также риторика партийных и комсомольских собраний во многом способствовали выработке особого лексикона с явным желанием позиционировать себя как убежденного сторонника новой власти. Вопрос об осознанности и понимании подобных формулировок достаточно сложен. Можно предположить, что в ряде случаев текст был написан под диктовку или переписывался с готового образца.

При поступлении в педагогический институт важнейшим оставался мотив получения высшего образования, высшего педагогического образования, а не специальности. Понятия, связанные с характеристикой политической системы и власти, были единичными в этот период. Вместе с тем их появление свидетельствовало о постепенном процессе политизации сознания.

Второй параграф *«Социально-демографическая характеристика студенчества»* посвящен изучению учащихся ВПИ по различным критериям с целью создания обобщенного портрета учащегося педвуза 1920-х гг.

Октябрьская революция внесла определенные коррективы в социальный состав российского учительства. По сравнению с

дореволюционной Россией, где высшее образование было востребовано в большей степени мужчинами, а женщины ограничивались гимназическим образованием, реалии жизни в Советской России требовали более широкого привлечения женского труда.

На всем протяжении исследуемого периода соотношение мужчин и женщин в ВПИ было практически одинаковым - 48-50%. Доля мужчин в составе учащихся вузов резко сократилась по ряду причин: во-первых, невосполнимые потери в войнах; во-вторых, регулярно проводившиеся мобилизации в армию молодых людей; в-третьих, вернувшиеся домой мужчины зачастую были единственными кормильцами семьи, поэтому достаточно долго не могли оставить место своего проживания для учебы в вузе; в-четвертых, сокращению учащихся в стенах вузов, хотя и в меньшей степени, способствовала высокая степень миграции и т.д.

Средний возраст студентов-первокурсников составлял 24-25 лет. Столь позднее поступление в вуз объясняется наличием определенного производственного стажа молодых людей, работавших, до поступления в вуз, чаще всего, на ниве просвещения. Наибольший удельный вес имела возрастная группа 19-25 лет (70%) от всех поступавших, наименьший – абитуриенты 17-18 лет (7%).

Пестрый национальный состав студенчества ВПИ объясняется как спецификой самой республики, так и в целом региона, обслуживаемого вузом.

Первая половина 1920-х гг. характеризуется преобладанием представителей русской национальности: 1922 г. – 80%, с 1923 по 1925 г. – 70%. Малочисленность представителей других национальностей в первой половине 1920-х гг. объясняется слабым владением русским языком и возникающими в связи с этим трудностями обучения. Во второй половине 1920-х гг. произошли некоторые изменения в национальном составе вуза. В большей степени это стало следствием политики Советской власти по активному вовлечению народов Поволжья во все сферы политической и общественной жизни. На всем протяжении исследуемого периода количество представителей народов Поволжья продолжало увеличиваться: доля татар выросла с 9% в 1922 г. до 19% в 1930 г., чуваш 3,6% до 13%, марийцев с 1,6% до 4%, удмуртов с 0,9% до 1,7%.

Молодые люди 1920-х гг. не стремились создавать семью. Этому можно найти ряд объяснений: в первую очередь можно отметить тот факт, что одинокому человеку гораздо легче прожить, чем семейному; во-вторых, постепенное увеличение количества выпускников школ, автоматически понижало возраст абитуриентов. Количество женатых мужчин на всем протяжении исследуемого периода превышало количество замужних студенток по ряду причин: во-первых, замужество студенток, особенно на старших курсах, и возникающие в связи с этим проблемы семьи, материнство выходили на первый план, поэтому мысли о дальнейшей учебе, как правило,

приходилось оставлять; во-вторых, проблемы материального характера легче было решить одинокой девушке, чем ее замужней однокурснице.

Наиболее малочисленной категорией абитуриентов были разведенные и вдовцы. Среди них количество вдов практически в два раза превышало количество вдовцов.

Характеристика социального состава студентов педагогического вуза базируются на основе анализа следующих показателей: социальное происхождение и положение, уровень довузовского образования, профессия, связь с хозяйством, время начала самостоятельной жизни и т.д. Первая половина 1920-х гг. была отмечена преобладанием студентов – выходцев из села (54,2%). В целом эти показатели отвечали основным требованиям государства по формированию рабоче-крестьянской прослойки студенчества. При этом основной упор делался на привлечение абитуриентов из беднейших слоев населения. Отмена разверстки в 1926 г., игравшей роль льготы при поступлении в вуз, привела к резкому снижению этого показателя до 28-30%. Доля рабочих и их детей на всем протяжении исследуемого периода составляла в ВПИ не более 10%. С 1926 г. и вплоть до конца исследуемого периода среди студентов качественно преобладали дети служащих и интеллигенции.

По социальному положению среди студенчества ВПИ преобладали учителя и школьные работники – 44,7%, учащиеся – 21,3%, служащие – 19,7%, чернорабочие и батраки – 1,4%. Только 7% в качестве основного источника существования назвали земледелие[23]. Каждый третий абитуриент заявлял о том, что в перерывах между учебой работал в хозяйстве родителей.

Время начала самостоятельной жизни, т.е. времени, когда у молодого человека 1920-х гг. появлялся стабильный заработок, составлял 16-17 лет.

Изучение вопроса образовательного ценза позволяет говорить о том, что для первой половины 1920-х гг. было характерно поступление в вуз молодых людей, получивших образование до революции в реальных и епархиальных училищах, учительских семинариях, гимназиях. Уровень знаний таких студентов был гораздо выше, чем у их сверстников, поступавших в вуз позднее. Этот факт подтверждается и в отчетах преподавателей, говоривших о существенном снижении общего уровня грамотности у молодых людей во второй половине 1920-х гг.

Более трети абитуриентов, поступавших в ВПИ, были выпускниками педагогических техникумов. Наличие у подавляющего большинства стажа школьной работы не менее трех лет позволяло им поступать в вуз без экзаменов. Выпускники рабфаков составляли 5-12%.

Во второй главе «Студенчество в учебно-воспитательном процессе и общественно-политической жизни общества» анализируются социально-экономическое положение учащихся и их общественно-политическая

[23] Среди них имеются все категории: учителя, учащиеся, служащие.

деятельность, а также участие студентов в учебно-воспитательном процессе в ВПИ в 1920-е гг. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе *«Социально-экономическое положение студенчества»* анализируются формы социальной поддержки учащейся молодежи.

1920-е гг. стали временем создания советской системы социальной поддержки учащихся. Государственная поддержка учащейся молодежи организовывалась в нескольких направлениях: стипендиальное обеспечение, обеспечение местами в общежитии, организация льготного проезда, забота о здоровье, в рамках которого проводилось санаторно-курортное лечение молодежи, организация питания студенчества.

Одной из основных проблем, с которой приходилось сталкиваться молодым людям, приезжавшим в город в 1920-х гг., была жилищная проблема. Большинство самостоятельно занимались поиском места для проживания. Места в общежитиях получали не более 40% всего студенчества[24]. В 1920-е гг. строительство студенческих общежитий в Казани не велось. Для расселения использовались либо старые, построенные еще до революции здания общежитий, либо бывшие гостиницы и торговые помещения.

Как показывает анализ состава учащихся ВПИ, преимущество при заселении получали студенты-первокурсники - 74%, выпускной курс в общежитиях не проживал. Однако, подобная льгота не являлась одним из гарантов получения высшего образования. Первокурсники чаще, чем их более старшие коллеги, были вынуждены покидать стены вуза. Выходцы из крестьян имели преимущественное право на получение места. Членство в партии или комсомольской организации не являлось основным критерием отбора при заселении, большинство студентов (64%) были беспартийными.

Большую помощь молодым людям оказывали действовавшие в городе землячества: чувашское, марийское, вотское (удмуртское), которые имели возможность поместить некоторое количество учащихся в своих помещениях. В лучшем положении находились те молодые люди, которые имели возможность остановиться у родственников или знакомых.

При оплате арендованного жилья учащиеся учебных заведений, в том числе и студенты вузов, были приравнены к категориям рабочих и служащих.

Одной из главных проблем на всем протяжении 1920-х гг. был вопрос о материальной обеспеченности учащейся молодежи. В первые годы существования советской власти государство стремилось организовать поддержку всем студентам, но практике это оказалось довольно затруднительным. Попытка не имела должного результата.

Стипендии были разделены на три категории: государственные, хозяйственные и частные. Существовала также практика пожертвований от частных лиц не только в денежной форме, но и продуктами. Размер

[24] ГА РФ. Ф. 5574. Оп.1. Ед.хр. 39. Л. 219.

стипендий зависел от месторасположения вуза в одном из так называемых двух «поясов дороговизны»: в первый входили обе столицы и рабочие центры, во второй – вся провинция.

Процент учащихся ВПИ, получающих стипендию на всем протяжении исследуемого периода, увеличивался с 8% в 1922 г. до 47% в 1929 г. Однако, даже такое столь существенное увеличение стипендиатов не могло в полной мере удовлетворить потребности всех нуждавшихся учащихся. «Бедственное» материальное положение сказывалось и на формах проведения досуга. Как правило, большинство студентов свободное время тратило на поиск работы.

В систему государственной социальной поддержки студенчества в 1920-е гг. помимо заселения в общежития и выдачи стипендий входили так же: организация льготного проезда, путевки для лечения и отдыха в санаториях. Однако размеры подобной помощи не были сколь-нибудь значительными.

Одним из направлений социальной поддержки учащихся являлась студенческая самопомощь, выражающаяся в виде касс взаимопомощи, студенческих землячеств и кооперативов, бюро труда и т.д. Главной целью работы подобных организаций стал поиск источников заработка – индивидуального или коллективного.

Изменения коснулись и форм заработка учащейся молодежи. В 1920-е гг. доминирующим стал физический труд, чаще всего низкооплачиваемый. Студенты пединститута до поступления в вуз подрабатывали в системе образования, но с момента начала учебы большинство из них, т.е. 73%, становились безработными. Начало 1920-х гг. ознаменовалось для страны началом сильного голода, затронувшего в первую очередь области Поволжья, не стала исключением и Татарская республика. В деле борьбы с голодом, который коснулся и учащихся высших учебных заведений, значительную помощь оказали иностранные организации: сначала АРА, затем ЕСП, взяв на себя организацию студенческого питания. Всего в период с октября[25] 1922 г. по июнь 1923 гг.[26], благодаря действиям казанского комитета ЕСП, удалось организовать работу 3 студенческих столовых, обслуживавших в общей сложности 1400 учащихся[27].

Во втором параграфе *«Учебно-воспитательный процесс студентов Восточно-педагогического института»* рассматриваются основные формы и виды учебных занятий.

1920-е гг. стали временем экспериментов в области развития форм учебных занятий. Первый комплекс объединял вокруг себя общественно-

---

[25]ГА РФ. Ф. 1058. Оп. 1. Ед. хр. 550. Л. 12. В отчете уполномоченного по Татреспублике по борьбе с последствиями голода время начала работы казанского комитета ЕСП датируется ноябрем 1922 г. НА РТ. Ф. 41. Оп. 1 Ед. хр. 161.

[26] Деятельность всех иностранных организаций должна была прекратиться 15 июня 1923 г. К этому же времени должны были быть закрыты столовые ЕСП.

[27] НА РТ. Ф. 41. Оп. 1. Ед.хр. 125. Л. 112 об.

политические дисциплины и практическую работу студентов, в том числе политпросветработу, педагогическую пропаганду, работу в детских организациях и т.д. Во второй комплекс входили все дисциплины, изучающие школу и ребенка (психология, педология, анатомия и физиология человека, педагогика, история педагогики, школоведение). Третий комплекс включал в себя специальные дисциплины. Четвертый – всю производственно-практическую работу, проводимую студентами и преподавателями в порядке изучения экономики, техники, культуры и быта населения местного края.

Тенденцию, направленную на снижение теоретической подготовки за счет усиления практической общественной деятельности студентов среди населения, на предприятиях, в школах и культурно-просветительских учреждениях, можно было считать ошибочной.

Были намечены следующие две основные формы так называемого коллективного (конференции, беседы, коллективные консультации и опросы) и индивидуального учета (консультации, опросы, руководство в процессе проработки задания выполнения практической работы, письменные работы). Для каждого из типов занятий (лекция, семинар/просеминар, лабораторный метод) были предусмотрены свои формы учета знаний.

В 1920-е гг. высшие учебные заведения находились под строгим контролем партийного руководства. Перестройка всего учебного процесса диктовалась в первую очередь необходимостью его политизации с целью воспитания «красного специалиста», преданного интересам партии. В рамках реализации этой программы получили развитие несколько направлений: введение обязательного политминимума, привлечение для чтения предметов общественного цикла молодых преподавателей-коммунистов и т.д.

Новая политическая система требовала перестройки во многих областях, в том числе и в области корпоративных взаимоотношений. В первую очередь это касалось отношений между профессорско-преподавательским и студенческим составами вузов. Молодые люди перестали воспринимать педагогов как наставников, обладающих непререкаемым авторитетом. В первой половине 1920-х гг этому способствовало участие студенческих представителей в заседаниях предметных комиссий отделений, где они имели возможность оценивать лекторское умение преподавателей и суть излагаемого материала. Среди основных претензий со стороны учащихся были: отсутствие в читаемых курсах элементов марксистско-ленинской идеологии и недостаточное владение ею самими педагогами, манера подачи материала, личные качества преподавателей. Реакция со стороны преподавателей на подобные выпады в свой адрес была неоднозначной, в ряде случаев дело заканчивалось конфликтами.

Одним из критериев в оценке качества образования является количество студентов, окончивших вуз. При общей положительной

динамике увеличения количества студентов в педагогическом институте, отсев неуспевающих составлял почти 40%.

Причины, вынуждавшие студентов покидать стены вуза, не были предметом отдельного научного исследования в историографии. Одной из главных причин была трудность в усвоении предметов вузовского курса[28]. Отсутствие должной довузовской подготовки приводило к увеличению числа студентов, остававшихся на повторное прослушивание дисциплин. Не последнюю роль играло физическое состояние студентов. На протяжении всех 1920-х гг. основными видами заболеваний были: малокровие, неврастения на почве хронического переутомления, туберкулез, брюшной тиф, малярия. Беременность и рождение ребенка практически не давали шанса студенткам продолжить образование.

В третьем параграфе *«Общественно-политическая деятельность студенчества»* рассматриваются основные направления участия студенчества в жизни советского общества.

Отличительной особенностью 1920-х гг. стало активное вовлечение молодежи в общественную и политическую жизнь. Особенно ярко этот многоуровневый процесс проявлялся с поступлением молодого человека в вуз.

Молодые люди должны были стать помощниками партии в построении советского государства. Особая роль в том процессе принадлежала учащимся педагогических техникумов и студентам педагогических институтов как основным проводникам марксистко-ленинской идеологии в массы.

В рамках функционирования политической системы студенчество, как и остальные категории населения, оказалось разделено на две группы: беспартийных и кандидатов/членов партии и комсомола. Подобное разделение давало основание для их постоянного сравнения, которое в первую очередь затрагивало вопросы успеваемости и степень участия в общественной работе студенческой молодежи. Изучение данного вопроса позволяет говорить о том, что первая половина 1920-х гг. характеризовалась достаточно слабым влиянием партийной молодежи на остальное студенчество.

Особенно остро стоял вопрос о настроениях, царивших в студенческой среде. В протоколах партийных ячеек зафиксированы отдельные случаи недовольства политикой, проводимой партией, что вызывало чувство обеспокоенности со стороны администрации вуза. Данную проблему был призван решить организованный в 1927 г. институт курсовых парторганизаторов. Организация подобной структуры преследовала собой несколько целей: пропаганду партийного влияния на беспартийное студенчество, выявление его культурно-бытовых потребностей, а также

[28] В исследуемый период основной причиной отчисления из института детей крестьян была академическая неуспеваемость. НА РТ. Ф. 1489. Оп. 2. Ед. хр. 10 и др.

ведение учета настроений учащихся. По сути, это был надзорный орган, созданный из самих же студентов. Как показало время, курсовые парторганизаторы выполнили возложенные на их обязанности лишь отчасти.

Выявление среди студенчества фактов антисоветских настроений позволяет обратиться к вопросу о политическом сознании студенческой молодежи 1920-х гг. Анализ документов обкома, комсомольских и партийных ячеек говорит о том, что студенты слабо разбирались в происходивших событиях. На первый план выходили вопросы материально-бытового характера. Для изменения ситуации в 1920-е гг. стали создаваться так называемые кружки по изучению текущей политики. Они должны были охватить своим влиянием большую часть учащихся с целью улучшения их политической грамотности.

1920-е гг. стали временем проведения в вузах так называемых «чисток» являвшихся одним из механизмов регулирования классового состава студенчества вузов с целью его пролетаризации. Обращение к этой теме дает исследователям возможность выявить модели поведенческих стратегий различных групп студенчества. Наиболее распространенной моделью являлся формальный или фактический отказ от связи с родителями, замалчивание истинного происхождения, переход под опеку более «благополучных» в политическом отношении родственников и т.д.

В 1920-е гг. широкий размах приобрел процесс организации и функционирования различных общественных организаций – Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Общество долой неграмотность (ОДН), Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОВИАХИМ) и т.д. Основными направлениями в общественно-политической деятельности студенчества среди населения можно назвать: участие в ликвидации неграмотности, антирелигиозное воспитание подрастающего поколения, воспитание уважительного отношения к представителям других народов.

Для устранения неграмотности среди населения была организована система шефства над предприятиями, воинскими частями, детскими домами.

В первую очередь внимание уделялось воспитанникам детских домов, садов и ученикам школ, работа с которыми давала молодым людям возможность не только развивать профессиональные навыки, но и воспитывать в детях активных и преданных помощников делу партии.

ВПИ, являясь крупнейшим в регионе педагогическим вузом, объединял представителей многих национальностей. Анализ протоколов заседаний вузовских ячеек комсомола и ВКП(б) позволил выявить случаи открытых конфликтов на национальной почве в студенческой среде. Особенно остро подобные настроения стали проявляться во второй половине 1920-х гг. после открытия на базе института национальных отделений, что послужило толчком для значительного притока в вуз представителей нерусской национальности.

Таким образом, студенчество ВПИ в 1920-е гг. стало не только объектом целенаправленного воздействия со стороны государства в лице коммунистической партии, но и активным участником тех событий, которые происходили в стране в этот период.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования, даются основные обобщающие итоги. Первое послереволюционное десятилетие стало временем построения принципиального новой высшей школы. Особую роль в деле распространения и укрепления марксистско-ленинской идеологии принадлежала студентам педагогических вузов, которые должны были стать связующим звеном между партией и основной массой населения. Популярность педагогических институтов была гораздо ниже по сравнению с остальными вузами. Поэтому в отличие от общесоюзной тенденции, заключавшейся в увеличении доли рабоче-крестьянского блока, в педагогических вузах можно наблюдать обратный процесс – ядром студенчества ВПИ к концу 1920-х гг. стали выходцы из семей служащих. Большинство молодых людей имело определенный педагогический стаж работы, поэтому мотивация выбора именно Восточно-педагогического института вполне объяснима. В 1920-е гг. была заложена основа современного педагогического образования. Обращение к опыту тех лет позволит избежать повторения ошибок прошлых лет.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих авторских публикациях:

I. Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. Хайруллина А.И «European Student Relief» и казанское студенчество (1922-1923 гг.) / А.И. Хайруллина // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2009. № 4-4(64). С. 251-254.

II. Научные статьи, опубликованные в научных журналах, сборниках материалов международных, всероссийских, региональных научно-практических конференциях:

2. Хайруллина А.И. Личные дела студентов Восточно-педагогического института 20-х годов XX столетия / А.И. Хайруллина // Музейный вестник КГПУ. Казань, 2004. Вып. 1. С. 155-163. (в соавторстве с А. Багавиевой, А. Набиуллиной)

3. Хайруллина А.И. От учителя истории к учителю обществоведу: трансформация ценностных установок в советском обществе (на примере общественно-экономического отделения ВПИ) / А.И. Хайруллина // Развитие

творческого потенциала будущего специалиста: материалы рег. студ. науч. конф. Набережные Челны, 2005. С. 99-102.

4. Хайруллина А.И. Социальный портрет студенчества педагогических ВУЗов в 20-е гг. XX в. / А.И. Хайруллина // Исторический вестник. Тольятти, 2005. С. 54-57.

5. Хайруллина А.И. Историческое образование в системе педагогических вузов России 1920-х гг. (по архивным материалам Восточно-педагогического института) / А.И. Хайруллина // Платоновские чтения: материалы XI Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2005. С. 229-232. (в соавторстве с Е.А. Тимофеевым)

6. Хайруллина А.И. Студенческое общежитие 1920-х годов: опыт исторической реконструкции / А.И. Хайруллина // Исследования в области естественных и гуманитарных наук: сб. науч. статей. Москва, 2006. Вып.1. С. 70-73.

7. Хайруллина А.И. «Исключить как чуждый элемент» / А.И. Хайруллина // Музейный вестник КГПУ. Вып.3. Казань, 2006. С. 141-145.

8. Хайруллина А.И. Повседневная жизнь студенчества ВПИ в 1920-е гг. / А.И. Хайруллина // Историческое образование в вузах Казани: материалы межвуз. научн. конф. Казань, 2006. С. 203-209.

9. Хайруллина А.И. Мотивация выбора педагогической специальности выходцами из крестьян в 1920-е гг. / А.И. Хайруллина // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. Казань, 2008. Вып. 1. С. 192-197.
(в соавторстве с Т.П. Крашенинниковой)

10. Хайруллина А.И. Деятельность казанского отделения “European Student Relief” (ЕСП) в 1922-1923 гг. / А.И. Хайруллина // Платоновские чтения: материалы и доклады XIV всерос. конфер. молодых историков. Самара, 2008. С. 98-100.

11. Хайруллина А.И. Вотское (Удмуртское) отделение Восточно-педагогического института г. Казани (1926-1928 гг.) / А.И. Хайруллина // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ: сб. статей междунар. научн. конф. Ижевск, 2008. С. 500-506.